

А.А. Романов, О.Н. Морозова, Л.А. Романова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

**ФРЕЙМОВАЯ МАТРИЦА СПИН-ДОКТОРИНГОВОГО
КОНСТРУИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ В СИСТЕМЕ
ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
SPIN-DOCTORING CONSTRUCTION OF MENTAL
REPRESENTATIONS IN THE SYSTEM OF PUBLIC COMMUNICATION**

Ключевые слова: манипуляция, спин-докторинг, семантическая диффамация, фрейм, публичная коммуникация, интернет-коммуникация

Keywords: manipulation, spin-doctoring, semantic denigration, frame, computer-mediated discourse, public communication

*«Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом».*

У. Шекспир

*«Лгать не могла ... но правды никогда
Из уст её не приходилось слышать –
Захватанной, публичной, тусклой правды,
Которой одурманен человек....*

*Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.*

Она готовится

Из грязного белья...»

М. Волошин

Вопросы оценки, переоценки и интерпретации создаваемой и транслируемой в медийном пространстве информации представляет собой одну из наиболее актуальных проблем в современной (глобальной) системе публичных коммуникаций. Искусство различать, оценивать и интерпретировать подаваемую информацию на уровне параметров «истина» – «ложь», а также умение выделять в этих процессах специально создаваемый «шум» информационных атак («информационных войн», «смысловых войн») с использованием различных манипулятивных технологий или «языковых игр», таких как «спиндокторинг», «семантическое варьирование / семантическое манипулирование», «красивые слова», «семантическая диффамация», «сценарный / матричный подход», «нарратология» (в частности, создание сталкивающихся в своей контрастности историй, например: «длинная война» – «короткая война», «мягкая сила» – «жесткая сила», «жесткие новости» с катастрофами, пожарами, убийствами, происшествиями – «мягкие новости» с ток-шоу, интервью, беседами) и «нейробиология нарративов», которые (т.е.

технологии) специально создаются для программирования и форматирования будущих сценариев развития регионов мира с определенной целью и выгодой дезинформировать и дестабилизировать сложившийся миропорядок (Романов, 2002: 58–92; см. также: Почепцов, 2000; 2001; 2001а; Романов, 1983; 1999; 2004; 2004а; 2014: 37; Романов, Романова Л., 2001; 2001а; 2001б; 2002; Романов, Егоршина, Романова Е., 2001; Романов, Малышева, Новоселова, 2014; 2014а; Романов, Морозова, 2015; Романов, Морозова, Романова Л., 2015; Романов, Черепанова, 1998; Романов, Царьков, 2007; Морозова, Романова Л., Мосина, 2014; Федорченко, 2011; Romanov, Romanova, 2012). Иллюстративным примером реализации названных технологий последнего времени могут служить материалы по анализу всевозможных «цветных революций» (например, «от революции роз, оранжевых, фиалковых и тюльпановых революций»), череды «арабских весен», а также каирской Тахрир и украинского «майдана» до конкретных военных операций по свержению избранных руководителей Ирака («буря в пустыне»), Ливии, Египта, Сирии.

Вскрытие и описание функционального механизма таких технологий – задачи чрезвычайной важности не только для специалистов по геополитическим процессам переустройства мира, но и для лингвистов, психологов, психолингвистов, лингвопсихологов, журналистов, работающих в области массового сознания и медиалингвистики. В первоочередном порядке эти задачи необходимо решать для того, чтобы научиться выработать устойчивость и определенные навыки противодействия таким технологиям у массового адресата с целью не подпадать под влияние *манипулятивного притяжения* информационного содержания сформированных информационных атак и войн. Однако решение указанных задач не в последнюю очередь осложняется тем, что достаточно трудно определить само базовое понятие «информационная война» / «информационная атака» по причине его многозначности и многообразия подходов к толкованию этого явления.

Как показывает анализ существующих в научной литературе определений, имеется значительный разброс в дефиниционных толкованиях и интерпретациях самого феномена «информационная война». При этом выясняется, что широта трактовок такого явления как «информационная война / «информационная атака» достаточно обширна и простирается, *во-первых*, от описания специфики и характера субъекта целенаправленных действий, предпринятых для достижения информационного превосходства над противником путем нанесения ущерба его информационному пространству, до стратегической оценки значимости и ценности информации и, *во-вторых*, от выявления специальных способов и средств, воздействующих на информационную среду противника, до описания конкретных стратегий и тактик реализации создаваемых информационных «волн» и «шумов» в рамках общей манипулятивной технологии спиндокторинга (от англ. spin-doctor; см.: Гурушкин, 2014; Морозова, 2005: 179-189; Морозова, Романова Л., Мосина, 2014; Почепцов, 2000; 2001;

Романов, 2002; 2004; 2004а; 2010; Романов, Малышева, Новоселова, 2014; 2014а; Романов, Романова Е., Воеводкин, 2000; Романов, Романова Л., 2001; 2001а; 2001б; 2002; 2009; Федорченко, 2011; Феофанов, 1987; Partington, 2003; Roberts, URL; Todd, URL; Romanov, Romanova, 2012).

Становится понятным, что в научной литературе недостаточно внимания уделяется вопросам структурирования самого спин-докторингового процесса ведения информационных войн и атак, а также анализу и описанию воздействующего механизма информационных «шумов», «волн» и его этапов, начиная от выбора информационно – тематического пространства и определения момента и выбора каузальной точки (например, какой-либо провокации, шокирующего поступка, высказывания, отрицающие очевидные факты и т.п.) «вброса» деструктивных материалов информационное пространство в виде заведомо ложных сведений, данных «заказных» соцопросов, фальшивых видеороликов и заканчивая его расширением в виде закрепления («анкирования») в терминальных (слотовых) узлах, размещенных в типовых фреймовых конфигурациях соответствующих ментальных представлений (см.: Романов, 1983; 1999; 2000; 2002; 2004; 2010; Романов, Воеводкин, Романова Л., 1999; Романов, Романова Е., Воеводкин, 2000; Морозова, Романова Л., Мосина, 2014).

Поэтому в настоящей работе предпринята попытка установить теоретические истоки спин-докторинговых технологий, а также обозначить типовую схему развития спин-докторингового моделирования и на этой основе показать основные уровни понимания и интерпретации процесса формирования и этапного развития «шумового» массмедийного воздействия на материале информационных атак против России в сетевом пространстве в виде различных ссылок, цитаций, перепостов и рассылок подписчикам в разнообразных каналах, пригодных для «черной риторики», в терминологии К. Бредемайера, в PR-деятельности, а именно: сайты, интернет-СМИ, интернет-версии печатных изданий, блоги, форумы, социальные сети, чаты, файлообменники, месенджеры (ICQ, Skype), видеосервисы (YouTube), электронную почту, а также традиционные печатные СМИ и ТВ.

Представляется, что в основе теоретических истоков спин - докторинговых технологий как совокупности (комплекса) различных манипулятивных действий лежат идеи французского структурализма 1950-х годов «о тождестве языка и сознания», что дало основание рассматривать «мир реальный» и «мир символический», и в этом соотношении «мир реальный» выступает «агрессором» по отношению к «миру символическому», а через него – и к человеку. Развитие этих идей привело, в частности, к выводу о том, что человеком в мире управляют неосознанные структуры, зашифрованные в языке, а сознание достоверно фиксируется не устной речью, а письменной. Следствием этого явилось утверждение о том, что сознание человека может отождествляться с совокупностью текстов, включённых в контекст письменной культуры человечества (ср. положение: «ничто не существует вне текста», которое выдвинул Ж. Деррида,

позволяющее рассматривать человека как индивида, помещенного / размещенного внутри текста). Работа с текстами культуры, начатая структурализмом, была продолжена в рамках постструктурализма. Для преодоления противоречий между жизнью и культурой было предложено рассматривать («брать») текст «в момент его становления», чтобы «заглянуть» под маску культуры, в ту «преисподнюю», где нет еще готовых форм, а исходные «наивности» еще не претерпели метаморфоз (Деррида, 1999: 122-126, 128-130).

В этом плане заслуживают особого внимания теоретические воззрения Жака Лакана о «текстуализации бессознательного», который в рамках фрейдистской традиции связал её с теорией сновидения, переосмыслив ряд теоретических положений классического фрейдизма. Исходя из того, что бессознательное имеет языковую структуру (т.е. бессознательное структурируется как текст, как знак), Ж. Лакан предлагает считать, что «работа сновидения следует законам означающего», а сам «сон есть текст». В этой связи он предлагает рассматривать в качестве основных механизмов сна фрейдовские понятия «конденсацию» и «замещение», но с некоторым расширением их понимания. Так, если Зигмунд Фрейд понимал под *конденсацией* «совмещение в одном образе нескольких объектов бессознательного», то Жак Лакан исходит из того, что при *конденсации* происходит «наложение одного означающего на другое посредством метафоры». Аналогично Лакан переинтерпретировал и фрейдовское понятие «замещение». По Фрейду, «замещение есть сдвиг психической энергии с одного мыслительного явления на другое», а по Лакану, «замещение – это *средство обмана* цензора бессознательным, *имеющее* природу метонимии». Подобная трактовка понятий «конденсация» и «замещение» приводит к утверждению, что в системе Ж. Лакана образы, всплывающие из бессознательного, не являются репрезентативными (нерепрезентативны), т.е. у них имеется такое означающее, которому не соответствует никакое означаемое. Такое означающее Ж. Лакан назвал «скользящим» (Лакан, 1997: 9-10, 13-15; см. также: Лакан, 1995).

Не обошёл Лакан вниманием и фрейдовское понятие «*трансфера*» или «*переноса*», являющееся важным механизмом бессознательного. У З. Фрейда процесс «трансфера» есть структуры бессознательного, которые проявляются (обнаруживаются) в процессе беседы между психоаналитиком и пациентом, когда последний переносит на врача какие-то иные свои влечения и тем самым заставляет его играть ту или иную роль. Для Ж. Лакана отношения между психоаналитиком и пациентом очевидны: в процесс «переноса» вовлечены оба участника беседы. Следовательно, по его мнению, структуры бессознательного проявляются в «*переносе*» и «*контрпереносе*» на ментальные репрезентации, когда психоаналитик вступает в «игру с пациентом», повторяя структуры бессознательного для их интерпретации. И тогда *всё, что произносит пациент, есть текст*, а психоаналитик в этом процессе *повторяет дискурс* своего пациента, т.е. сказанное, высказанное им. Получается, что *лакановский трансфер* является *структурой повтора*,

которая *связывает*, как минимум, двоих участников этого процесса и что эта структура имеет знаковую природу (см.: Лакан, 1997; также: Лакан, 1995).

Знак, как известно, является тем, что замещает отсутствующий предмет. Это означает, что знаковая природа структур бессознательного символизирует «убийство вещи», то есть раскрывает механизм появления «наличия, сотворенного из отсутствия». Получается, что «знаковая культура» берет своё начало в потребности обозначить отсутствие предмета. У Жака Лакана этот процесс увязывается с психологическим моментом «становления личности». Он полагает, что когда ребёнок *обнаруживает необходимость восполнить отсутствие предмета*, то он начинает говорить, т.е. он становится «говорящим субъектом». Поэтому сегодняшняя западная цивилизация как цивилизация «говорящего субъекта» опирается на доминанту вербоцентризма, схожую с картезианским посылом: «я говорю, следовательно, я существую».

Высказанные в 50-70-х годах французскими структуралистами прошлого века идеи «о тождестве языка и сознания» нашли свой отклик и преломление в сфере медийной коммуникации уже в середине 80-х, точнее, по данным американского словаря политических терминов, в 1984 г. Тогда в передовице «Нью-Йорк Таймс» был предложен термин «*спин-доктор*» в его манипулятивном значении относительно агентов по связям с общественностью высокой квалификации, стремившихся предложить журналистам использовать как отражение результатов только что завершившихся телевизионных дебатов между Р. Рейганом и У. Мондейлом готовые для описания шаблоны, заготовки, матрицы, схемы с целью их правильной и нужной для авторов схем интерпретации (Романов, Малышева, Новоселова, 2014; Романов, Морозова, 2015).

В последствии термином «спин-доктор» стали именовать специалиста по управлению новостями, в задачи которого входило придание благоприятного смысла новостям, а также при необходимости провоцирования позитивного или негативного изменения отношения к ним массового адресата. К сфере деятельности спин-доктора также относят разработку и применение медийных технологий под названием «гибких PR-технологий» или технологий «спин-докторинга» для работы с общественным сознанием, которые могут применяться не только для того, чтобы «фиксировать» результаты после совершившихся событий (речи, интервью, дебаты участников публичных акций и т.п.), но и для того, чтобы в плане информационного воздействия эффективно управлять ожиданиями совершения самого события, которое готовится к реализации или может произойти в будущем (ср.: Романов, 1988: 20-49; 2002: 58-66; 2014: 37; Романов, Малышева, Новоселова, 2014: 126-131; 2014а: 158-163). В частности, определяя специфику функциональной сферы спин-докторинговых коммуникаций, исследователи данного явления в системе публичных коммуникаций пытаются определить медийно - коммуникативную сферу и функциональный статус спин-докторинга, выделяя пять основных типов использования технологии «спин»: 1) *до-спин*

– подготовка перед событием, 2) *после-спин* – наведение блеска на событие, 3) *торнадо-спин* – попытка перевода общественного интереса в другую сферу, 4) *контроль кризиса* – менеджмент событий, выходящих из-под контроля и 5) *уменьшение ущерба* – менеджмент уже не контролируемых событий с целью предотвращения нанесения дальнейшего ущерба.

Легко заметить, что выделенные типы медийно-функционального использования «спина» относятся, скорее, к внешней специфике распространения этого феномена по типу существующих моделей / схем передачи информации, делая упор на специфику медийного распространения спин - докторинговой коммуникации. Такой подход к использованию спина можно считать внешним, затрагивающим в большей мере оперативную специфику его применения (распространения) как «готового» (изготовленного, приготовленного) текстового продукта для конкретного медийного тиражирования. В данной работе делается попытка привлечь внимание к работе механизма *внутреннего* или *ментального* спин-докторинга как манипулятивного дискурсивно-технологического комплекса коммуникативных практик (посланий), выступающего в виде воздействующего инструмента по переформатированию (рефреймингу, «перезагрузке») ментальных репрезентаций (конструктов) массового адресата (подробнее о разграничении внешнего и внутреннего аспектов реализации ментальных репрезентаций см.: Романов, Малышева, Новоселова, 2014; 2014а; Романов, Морозова, 2015; Романов, Морозова, Романова Л., 2015).

Однако следует отметить, что определение масштаба и объёма сферы деятельности «спин-доктора» и применения «спин-докторинговых технологий» в системе публичных коммуникаций нередко вызывает затруднения и даже подмену понятий. Любопытна на этот счет точка зрения специалиста в области инновационных технологий СМИ и PR Т. Дефрена, который считает, что термины «спин-доктор» (spin-doctor) и «агенты по печати» (flacks) – это «обыкновенные прозвища», которыми называют большинство людей, участвующих в описании PR-деятельности. Он пишет, что основные медиа трактуют термины «spin-doctoring», «пропаганда» и «связи с общественностью» достаточно противоречиво, не проводя четкого разграничения между ними (Defren T. / URL: <http://www.pr.-squared.com>).

Ему вторит американский социолог Д.Ж. Робертс, отмечающий, что хотя термины «спин» (spin) и «пропаганда» расположены в одной плоскости системы публичных коммуникаций, тем не менее, по своей сущности они всё же различны. В работе, посвященной разграничению понятий «спин» и «пропаганда», он пишет: «Творить spin – это значит высказываться, обычно показательно, реагируя на критическую аргументацию или на негативные новости. Это не обязательно подразумевает ложь или введение кого-то в заблуждение по фактам. Обычный spin надоедает, особенно журналистам, на которых он практикуется, но он не угрожает демократии. Пропаганда же гораздо более «злокачественна». «Пропаганда» и «спин» – расчетливые и систематические действия по изменению общественного мнения, в большем

масштабе использующие ложь и рутинную политическую непорядочность» (Roberts J.R. / URL: [http:// thehum-stain.blogspot.ru](http://thehum-stain.blogspot.ru)).

Для Д.Ж. Робертса основное отличие «спин-докторинга» (spin-doctoring) от пропаганды заключается в том, что, *во-первых*, пропаганда использует в своём арсенале более «жесткие методы воздействия» на аудиторию по сравнению с технологией «спин-докторинга», а, *во-вторых*, «спин» (spin) как технология воздействия чаще применяется тогда, когда субъекту необходимо защитить свою репутацию от возможного негативного влияния сложившихся обстоятельств. Именно в этом случае события при помощи технологии спин-докторинга (spin-doctor) интерпретируются наиболее выигрышным образом, так как с биконцептуалами следует разговаривать как со своими. Пропганда же имеет определенные конкретные цели по воздействию на общественное мнение, например, цель победить на президентских выборах. Причем «это воздействие на общественность, на её сознание происходит постоянно и последовательно» (там же).

И хотя становится понятным, что любая пропаганда и любой «спин-докторинг» имеют общую манипулятивную основу в своей деятельности, тем не менее, М. Чукас подчеркивает отличительную степень «жесткости» методов пропагандистского воздействия, определяя пропаганду как «контролируемое распространение сознательно искаженных представлений с целью побудить людей к действиям, отвечающим заранее намеченным целям заинтересованных групп». Отсюда, – заключает он, – и задача пропаганды: «создать человека, совершенно лишённого всяких способностей разобраться в положении вещей, критически и разумно мыслить, когда он начнет действовать под влиянием только искусственных возбудителей и направляющих сил» (Choukas, 1965: 14).

Представляется, однако, что манипулятивный водораздел между «пропагандой» и «спин-докторингом» пролегает не только и не столько в семиотической манифестационности (т.е. в плане знакового выражения) противопоставлений «жесткости» или «мягкости» методов воздействия на массовое сознание, а, скорее, разграничение кроется в вербальной плоскости «скользящего означаемого», по Жаку Лакану, то есть в сокрытии (имплицитности) смыслового наполнения его содержания (см.: Романов, 2005: 98-125). Кажется, по этой причине можно считать технологию «спин-докторингового воздействия» особой разновидностью «лингвопропаганды».

Действительно, базовое отличие «спин-докторинга» заложено в его следовании курсу всеобщей гласности (т.е. распространения) во всех средствах массовой информации, широте технического охвата информационного пространства и особенно своевременности подачи и распространения прецедентного события под определенным углом зрения «homo loquens», существующего в окружении создаваемого «говорением» информационного пространства: «я говорю, следовательно, я существую».

Одним из основных посылов данной технологии – это «тайм - менеджмент» освещения новостного медийного продукта, когда важна

информация не об отдельных событийных или фактуальных проявлениях, а когда востребована информация о тенденциях в обществе, которую не должен пропустить человек, если он погружен в текстовую реальность данной технологии. И тогда особую важность приобретает правило «тайм-менеджмента», требующее, чтобы событие было оглашено вовремя и с определенной, как её задаст в рамках когнитивного трансфера спин-доктор, точкой зрения, и желательно раньше, чем кто-либо ещё доберется до этой информации и предаст её гласности, но уже с другой точкой зрения. В этом случае массовый адресат воспринимает появление новой информации как свою информацию, созданную именно для него и направленную именно на него, т.е. как свою близкую и родную информацию, которую по условиям «тайм-менеджмента» необходимо быстрее принять, чтобы синергично стать её биоконцептуальным «соратником» в своевременных откликах на созданные новостные материалы, иначе вчерашняя новость в СМИ – уже история.

В рамках такого взаимодействия и создаются «узы» или, по А. Экзюпери, «приручение» спин-доктором своего адресата на основе функционирования лакановского «замещения как средства обмана цензора бессознательным при помощи метонимии», т.е. при замене одних слов на другие (так называемые «красивые слова» - *splendid generalities*), смежные по значению, но разнящиеся по смыслу и воздействию, создавая тем самым «мир дискурса с фиктивной семантикой» (Романов, 2002: 59-62; Романов, Ульянич, 2014: 15-25). Ср., например, когда вместо слова «*монополия*», вызывающее в массовом сознании отрицательные ассоциации (ср. активные выступления антиглобалистов во всем мире) употребляются слова с позитивной окраской – «*большой бизнес*» или «*бигнесс*» (*bigness*), а вместо слова «*капитализм*» можно часто встретить слова «*индустриальное общество*», «*социальное рыночное хозяйство*» и тогда *капиталист* становится «*работодателем*», «*предпринимателем*». Или сравните сообщение диктора по радио в 1945 г., где в первой его части сообщалась информация о фактуальном событии («совсем недавно США сбросила ядерную бомбу на город Хиросиму»), а во второй - осуществлено в лакановском духе замещение оценки результатов этого события, придавая этому событию иной смысловой сдвиг: «и сделала этот город *непригодным для противника*». Аналогичная подмена очевидна и в сообщении об уничтожении вьетнамской деревни напалмом, которое было представлено в медийном пространстве в виде сообщения о «*нацификации вражеской структуры*». Или сравните также выражение «*Нейтронная бомба – уникальное антивоенное оружие*» (о переосмыслении слов «новой языковой действительности» и «словарях толерантного языка» см.: Романов, 2002: 58-66; Романов, Морозова, Носкова, 2007: 188-195; Шаров, 2010: 36).

В процессе такого «приручения» адресат не замечает смыслового «обмана своего цензора бессознательным» (Лакан, 1997), потому что с ним говорят словами с переносными, например метафорическими или метонимическими, смыслами, так как его вовлекают в сферу своего

привычного существования (сферу его естественного состояния, в которой он реализует себя по принципу: «я говорю, следовательно, я существую»), одновременно погружая в создаваемую «говорением» спин-доктора сферу текстуального бытия. В этой языковой «игре» в нем формируют биоконцептуального «сорботника», то есть из него «создают» соучастника «дискурса с фиктивной семантикой» (ср. выше лакановскую трактовку «переноса» и контрпереноса) как текстовую игру). В результате получается, что с адресатом не просто говорят, а с ним откровенно делятся новой, быть может, даже конфиденциальной информацией, оказывая ему тем самым в первоочередном порядке доверие *быть избранным и достойным* на получение этой новой информации. А доверяют, как известно, только своим, близким, надежным и верным. При этом совершенно неважно, что доступ массового адресата к другой фактуальной (достоверной) информации о том или ином событии ограничен и что у адресата остается только лишь предназначенная для соответствующей оценки или переоценки «доверительная» (безальтернативная) информация спин-доктора.

Являясь в своём отклике «сорботником» спин-доктора, адресат стремится наилучшим образом соответствовать оказанному со стороны спин-доктора «доверию» (т.е. «обманной игре», по Ж. Лакану) и в большей степени сам себя втягивает в этот процесс, репрезентируя и идентифицируя себя как своего, как со-работника, как со-автора. Иначе говоря, откликаясь в роли адресата на обманное спин-докторинговое послание, получатель его (как адресат) делает себя соучастным (причастным к обману, обманувшимся) субъектом этого процесса и посредством своего соучастия является уже «приручённым» к смысловому и тематическому пространству этой языковой (дискурсивной) игры спин-доктора. Ср. у классика: «Ах, обмануть меня нетрудно! ... *Я сам обманываться рад!*» (А.С. Пушкин).

В качестве примеров можно привести появление спин-докторовских «горячих» новостных сообщений, направленных на своих массовых сорботников, о сбитом в Донецкой области малазийском гражданском самолете, когда сразу же – и при этом синхронно – были «объявлены» в различных украинских и зарубежных СМИ виновные в этой катастрофе, а «свои» получатели таких новостей «с радостью обманулись» и согласились с заданной спин-доктором оценкой и трактовкой. Можно также вспомнить мгновенное информационное тиражирование потоков обвинений в адрес ополченцев Донбасса по поводу нарушения минских договоренностей о перемирии или артобстрелов «самими» ополченцами живых кварталов, больниц, транспорта в Донецке и Луганске.

Очевидно, что систематическая гласность как широта охвата, как своевременное технологическое создание информационного «шума», «волны», «лавины», «вброса», направленное с целью формирования активного отклика своего массового «биоконцептуального сорботника», есть одно из основополагающих отличий «спин-докторинга» от пропаганды, для которой в первую очередь важна методичность и продолжительность воздействия на массовое сознание. Представляется, что показатель

своевременности, синхронности, быстроты и целенаправленности технологического создания информационного «шума» и «вброса» (Морозова, Романова Л., Мосина, 2014) делает «спин-докторинг» *эффективным воздействующим инструментом*, при использовании которого любое прецедентное событие может быть либо «ускорено», либо «заторможено» в его информационном распространении и влиянии, либо прагматически переоценено.

Поэтому вопрос о выявлении специфики воздействующих (манипулятивных) механизмов спин-докторинга, лежащих в основе формирования содержания, восприятия и перспективной оценки «мира дискурса с фиктивной семантикой», требует пристального рассмотрения, детального разбора и описания. Прежде всего важно понять, почему базовыми понятиями воздействующего инструментария спин-докторинговых технологий являются понятия «ментальная конструкция» в виде «фрейма» или «фреймовой конфигурации», «ментальные репрезентации», «ментальные состояния» (Романов, 1983: 188 - 190; 1986: 12-15; 1991: 82 - 85), и почему манипулирование внутренними (ментальными) состояниями обусловлено рамками использования определенных «ментальных конструкций» (фреймовых конфигураций, фреймов), которые способны обладать «психической вирусностью», в духе Р. Броди (2001: 13-22) или «меметичностью» (Романов, 1984: 102-104; 1991: 82-85; 2002: 101-110; 2002a: 24-28; 2004; 2011a; Romanov, Romanova, 2012: 322 - 325), позволяющие понимать и интерпретировать социальную реальность на основе циклического, социально обусловленного повторения осмысленной модели действительности.

По всей вероятности, ответы на эти вопросы лежат в плоскости анализа исследований в рамках когнитивного подхода как своеобразной «новой исследовательской программы», «объединяющей усилия специалистов в области ИИ, психологии, логики, философии, лингвистики, систем обработки знаний» (Петров, 1990: 227). В основе этого подхода, – отмечает В.В. Петров, – лежит высказанная ещё 1943 г. американским психологом Кеннетом Крейком, а затем подхваченная и развитая в начале 70-х прошлого столетия Джерри Фодором фундаментальная идея о том, что мышление представляет собой манипулирование внутренними (ментальными) репрезентациями. Кстати сказать, в настоящее время «гипотеза о решающей роли ментальных репрезентаций в объяснении механизмов функционирования мышления» является одной из базовых идей когнитивной науки (Петров, 1990: 227-228).

В процессе исследования проблемы интенциональности и ментальности каузации Дж. Фодор разработал концепцию репрезентации и обосновал выделение специфических «модулей» сознания, предложив трактовать ментальную репрезентацию как специфический «язык мышления». «Ментальные состояния» для Дж. Фодора – это такие «внутренние состояния» (верования, мнения, восприятия, оценки и др.), которые причинены (каузированы) определенными стимулами и которые, в свою очередь, причиняют (каузируют) определенные виды поведения и

другие внутренние состояния. Каузальные последовательности таких ментальных состояний представляют собой ментальные процессы, которые характеризуются «функциональностью и рекурсивностью» (подробнее о концепции Дж. Фодора см.: Петров, 1990: 227-232).

Согласно Дж. Фодору, отличие указанного типа репрезентации внешнего мира от внутренней репрезентации человека обусловливается, главным образом, тем, что между символическим (языковым) выражением, используемым человеком, и состоянием дел в мире устанавливается интенциональное соответствие. То есть соответствие между ними устанавливает человек в зависимости от своей интенциональной направленности и своих целевых параметров. Именно использование человеком символических языковых выражений с коммуникативными намерениями будет успешным и в том случае, даже если им будет реализована ошибочная референция, так как адресат «способен восстановить референциальные намерения говорящего» в «языке мышления», особенность которого заключается, с одной стороны, в специфике форм ментальной репрезентации, а, с другой стороны, с его помощью структурируются и индивидуализируются ментальные процессы, а также описываются все операции с ними. Поэтому «интенциональность признается отличительной характеристикой ментальных репрезентаций высшего уровня» (см.: Петров, 1990: 228-229). Таким образом, ментальные репрезентации являют собой семиотически комплексное, композитное образование, состоящее из *внешней* (структурной, чаще всего представленной формальной или манифестационной стороной языкового выражения) и *внутренней* (ментальной, образно-символической) ипостасей.

Концепция репрезентации Дж. Фодора хорошо коррелирует с современной и эффективной технологией нарративности («нарратология», «нарратив», «наррация»), которая в настоящей статье рассматривается не в «классическом» варианте повествования, а как «второе понятие нарративности», сформированное в структуралистской нарратологии. Как известно, исходной точкой интереса к нарративу явилось понимание того, что повествовательная форма – как устная, так и письменная – составляет психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу стремлений людей прийти к соглашению с природой и условиями своего существования. Согласно этой концепции «решающим в повествовании является не столько признак структуры коммуникации» (повествовательное, описательное изложение), сколько признак «структуры самого повествуемого». С этих позиций термин «нарративный», противопоставляемый термину «дескриптивный», или «описательный», *указывает* не на присутствие опосредующей инстанции изложения, а на *определенную структуру излагаемого материала*. Тексты, называемые *нарративными* в структуралистском смысле слова, *излагают*, «обладая на уровне изображаемого мира темпоральной структурой, *некую историю*». Понятие же истории подразумевает событие (Шмид, 2003: 5-8).

Событием, по мнению В. Шмида, является «*некое изменение исходной*

ситуации: или *внешней ситуации* в повествуемом мире (естественные, акциональные и интеракциональные события), или *внутренней ситуации* того или другого персонажа (ментальные события). Таким образом, нарративными, в структуралистском смысле, являются произведения, которые излагают и в этом изложении изображается событие. В этом плане *событийность*, как она трактуется В. Шмидом (2003: 7-8), *предполагает* (как минимальное условие) *наличие изменения некоей исходной ситуации*, независимо от того, указывает ли данный текст на причинные связи этого изменения с другими своими тематическими элементами или нет. Однако для того чтобы в результате таких ситуационных операций действительно получилось событие, должен быть удовлетворен ряд минимальных лингвосемантические условия:

- 1) субъект изменения должен быть идентичен,
- 2) содержания нарративного высказывания должны быть совместимы,
- 3) сказуемые должны быть контрастными, т.е. должны образовывать контраст,
- 4) излагаемые факты, независимо от их оценки, должны находиться (располагаться) в хронологическом порядке.

Примечательно уточнение Жерара Женетт о том, что «повествование – как повествовательный дискурс – может существовать постольку, поскольку оно рассказывает некоторую историю, при отсутствии которой дискурс не является повествовательным». Классический признак повествования («поскольку оно порождается некоторым лицом») Ж. Женетт относит только к дискурсу как таковому: «В качестве нарратива повествование существует благодаря связи с историей, которая в нем излагается; в качестве дискурса оно существует благодаря связи с нарративом, которая её порождает» (цит. по: Шмид, 2003: 15; ср. также: Деррида, 1999: 134-135: «История бытия как присутствия, как самоприсутствия в абсолютном знании, как сознание себя в бесконечности *parousia* – эта история закрывается. История присутствия закрывается, ибо история никогда не означала ни чего иного, как презентации (*Gegenwärtigung*) Бытия, произведения и воспоминания бытия в присутствии, как познания и господства»).

Очевидно, что посредством использования выразительных возможностей нарратива говорящий субъект может передать не только свои важнейшие фрустрирующие и вдохновляющие переживания для отреагирования аффекта, но он также способен использовать нарратив и для структурирования собственного опыта. По мнению Й. Брокмейера и Р. Харре (2000: 39-40), «мы с детства окружены повествованиями, имеем неограниченную потребность в них, причем не только в самих рассказах, но и в их бесконечных повторениях. Взрослея, мы просто привыкаем к широкому репертуару сюжетных линий, вращаясь в культурный канон нарративных моделей. Таким образом, нарративы представляют собой формы, внутренне присущие нашим способам получения знания, структурирования восприятия мира и упорядочивания личного опыта. На

уровне индивида, – отмечают авторы, – жизнь как единый и целостный феномен изображается и конституируется с помощью автобиографического нарратива, в котором события жизни связываются в упорядоченную последовательность при помощи сюжета. Культурные традиции предоставляют запас сюжетов в виде, которые могут быть использованы для организации событий жизни в истории, посредством же рассказывания этих историй «мы конструируем себя в качестве части нашего мира» (там же, с. 40; см. также: Романов, Воеводкин, Романова Л., 1999; Романов, Черепанова, 1998: 112-179; Романов, Ходырев, 2001; Романов, Егоршина, Романова Е., 2001).

Темпоральное структурирование излагаемого события как элемента социального опыта индивида определяется спецификой «развертывания комплекса лингвистических, когнитивных (семантических) и прагматических знаний говорящего субъекта на уровне изображаемого мира в виде фреймовых образований как ментальных конструкций», позволяющих понимать и интерпретировать действительность изображаемого в событии мира (Романов, 1983; 1984; 1986; 1991). Характерно, что использование фреймовых образований (фреймов) говорящим субъектом может осуществляться как осознанно, так и вне сознания в виде «структур бессознательного», по Ж. Лакану, ибо такое, опосредованное социальным опытом, использование (функционирование) базируется на семиотической (знаковой) основе самого фрейма как ментальной конструкции и «на результатах предсознательных процессов переработки когнитивной информации». Переработка когнитивной информации в виде определенных моделей опирается на предложенную Э. Тульвингом классификацию трех типов сознания – «аноэтичное, ноэтичное и аутоноэтичное» (Бескова, Герасимова, Меркулов, 2010: 93), которые связаны с использованием трёх видов памяти: процедурной, семантической и эпизодической (ср.: Солсо, 1996: 111-112).

Отмечается, что «аноэтическое» (или «незнающее») сознание ограничено во времени конкретной текущей ситуацией. Оно позволяет человеку лишь фиксировать перцептивно воспринимаемую информацию и реагировать своим поведением на изменения окружающей среды, нередко – с использованием доксихического знания, полученного чувствами, в противоположность умопостигаемому «знающему» знанию. Для такого сознания достаточно когнитивных ресурсов процедурной памяти, которая сохраняет знания, относящиеся к навыкам и умениям. Ноэтическое (или «знающее») сознание даёт возможность осознавать события, объекты и взаимосвязи между ними, даже если они не находятся в поле восприятия или существуют только как идеальные концептуальные структуры. Этот тип сознания в чем-то аналогичен символному (вербальному) сознанию и предполагает использование ресурсов семантической памяти. И, наконец, наиболее сложный тип сознания – аутоноэтическое (или «знающее о себе») сознание, которое позволяет воспроизвести лично пережитые события, факты личной жизни и т.д. Это сознание связано с эпизодической памятью,

так как оно способно сохранить информацию о событиях жизни отдельного человека» (Бескова, Герасимова, Меркулов, 2010: 93-94).

Дж. Фиск (Fiske, 1991: 56-57) подчеркивает, что «понимание социального опыта... состоит в создании «гранд нарратива» – согласованной теории, позволяющей объяснять разнообразные и не связанные между собой проявления опыта ... с учетом таких «характеристик», как представление, мимезис, идеология и субъективность». Представленное, по Фиске, является идеологией, а не реальностью, поскольку реальность – продукт дискурса (с. 57). Поэтому в рамках концепции «гранд нарратива» знаковые (вербальные или авербальные) послания не фиксируют реальность, а только кодируют ее, представляя лишь образные фрагменты воспроизводимой или конструированной реальности и окрашивая их «идеологически» в медийном пространстве. Заметим, что схожая точка зрения на «идеологическое окрашивание» факта высказывалась задолго до прокламации идей «гранд нарратива», когда на рубеже 19-20 вв. русский символист А. Белый провозглашал: «Всё полно богов, - лозунг свободы к стихиям; *возвышение элементов до жизни... Природа нам образ. ... Взгляд на мир ... и цвет мира зависит от мысли*», а французский фотограф Анри Картье-Брессон ему вторил: «**Факт сам по себе неинтересен**, интересна точка зрения, с которой автор к нему подходит» (цит. по: Сиротина, 2009; курсив – наш).

В процессе кодирования с позиций «цветного взгляда на мир», по А. Белому, и «отсутствия интереса к факту», в понимании А. Картье-Брессона, «реальности придается смысл, который является идеологическим» (Fiske, 1991:57-58). Эффективность такой идеологии усиливается за счет «портретного изображения», присущего средствам массовой коммуникации - радио, телевидению, сетевым коммуникациям и печатным изданиям. В этом процессе кодирования (т.е. формирования «картины мира» и её фреймирования) происходит «обозначение того, что претензии на истину находятся в контексте реальности» (с. 58), которые (и контекст, и реальность) создаются при помощи дискурса. Тем самым «скрывается тот факт, что любая “истина”, транслируемая средствами массовой коммуникации, является идеологией, а не реальностью» (там же) и средства массовой коммуникации, работая в смысловом пространстве фреймирования, продуцируют не объективную реальность, а реальность медийную, сформированную дискурсом.

Поэтому кодирование в виде фреймовых образований (ментальных структур) может фиксировать и широко распространять образ того, что при помощи медийной реальности способен воспроизвести и увидеть индивид как адресат в опоре либо на «анэтичное», , либо на «ноэтичное» или на «автоноэтичное» сознание. В этом процессе воспроизводства и видения в зависимости от выбора наличествующего у адресата типа сознания «происходит изменение истинного или логически верного соотношения между образом и его референтом», в котором «знаковый характер образа становится более важным, чем референт» (Бодрийар, 2007: 197; Fiske, 1991: 62-64).

В условиях медийного дискурсивного пространства, «в условиях

культуры» происходит «насыщение образами» и людям становится сложнее отличать образ от его референта в силу «бомбардировки массы знаками». «На сцену выходит информация. Но не в плане коммуникации, не в плане передачи смысла, а как способ поддержания эмульсионности, реализации обратной связи и контролируемых цепных реакций» (Бодрийар, 2007: 196-197, 198-200). Сегодня «смысл, как утверждает Жан Бодрийар, повсюду и его становится все больше и больше». В результате медийно-дискурсивного «производства спроса на смысл» масса вбирает в себя все знаки и смысл, и те уже не являются знаками и смыслами. Она поглощает все обращенные к ней призывы, и от них ничего не остается. На все поставленные к ней вопросы она отвечает совершенно одинаково. ... Её подвергают разного рода воздействиям и тестовым испытаниям, но она представляет собой именно массу, и потому с полным безразличием пропускает сквозь себя и воздействия (причем все воздействия), и информацию (причем всю информацию), и нормативные требования (причем все нормативные требования)», навязывая «социальному абсолютную прозрачность». Масса обходится без истины и без мотива. Для неё это совершенно пустые слова. Она вообще не нуждается ни в сознании, ни в бессознательном» (Бодрийар, 2007: 202-203).

Очевидно, что, оказываясь в реальности медийной дискурсии, человек не принимает зачастую во внимание и не понимает, какую, с точки зрения верифицируемости на истину – ложь, ценность имеют подаваемые медиа-дискурсом смыслы. Чаще всего, в условиях «навязанной абсолютной прозрачности социального» человеку остается всего лишь прибегать к поиску опоры на собственную (субъективную) умозрительную ценность представленного дискурсом явления, события, факта, которая определяется «образностью» и «цветом мысли во взгляде на мир», по А. Белому. Однако также оказывается, что и эта ценность зачастую разрушается «практикой постадийного представления этой реальности с помощью эффектов-образов» (Fiske, 1991: 64).

Отмеченные особенности функционирования моделей переработки когнитивной информации, а также условия и специфика активации набора знаний о синтаксической, семантической и прагматической валентностях развертывания фреймов как ментальных конструктов образуют фундамент для развертывания процессов восприятия, хранения и переработки передаваемой спин-докторингом манипулятивной информации в виде готовых, упакованных «фреймовых или смысловых структур» (Романов, 1983; 1991). Исходя из этого, эффективность успешной реализации (применения, фреймирования) такой информации при помощи ментальных структур или фреймовых образований основывается на ряде следующих функциональных постулатов или условий:

1) фрейм – как ментальная репрезентация – являет собой семиотически комплексное, композитное образование, состоящее из *внешней* (структурной, чаще всего представленной формальной или манифестационной стороной языкового выражения) и *внутренней* (ментальной, образно-символической)

ипостасей;

2) использование фреймовых конфигураций (фреймов) закрепляет фрейм в сознании при помощи мнемических свойств комплекса знаний человека говорящего;

3) мнемическая основа как цикличное, социально обусловленное повторение моделей социальной действительности помогает закреплять фреймы в ментальном пространстве индивида на уровне языкового сознания или «языковой ментальности»;

4) активация фреймов (ментальных репрезентаций) в коммуникативном пространстве связывает их поверхностные (внешние) структуры с глубинными (внутренними) ментальными репрезентациями и тем самым тормозит распространение противоположных фреймов;

5) существующие, т.е. активированные и запущенные в коммуникативное пространство глубинные фреймы (или внутренние ментальные репрезентации) невозможно быстро изменить или перестроить;

6) отрицание другой стороной активированных в коммуникативном пространстве фреймов усиливает их эффективность;

7) факты (фактуальность) в пределах фреймовой конфигурации не делают участников коммуникативного пространства свободными от них;

8) факты (фактуальность) не имеют смыслов вне фреймовой конфигурации;

9) интенциональное соответствие между символическим (языковым) выражением ментальных репрезентаций, используемым человеком, и состоянием дел в мире устанавливается не столько наличием объема фактуального содержания во фреймовой конфигурации, сколько «углом зрения на него» со стороны индивида;

10) фактуальное содержание (факт) никогда не входит само по себе в семантическое и коммуникативное пространство ментальных репрезентаций, поэтому оно всегда учитывается и рассматривается под определенным углом зрения в активированном фрейме. «Факт, – отмечал в начале XX века французский фотограф Анри Картье-Брессон, – сам по себе неинтересен, интересна точка зрения, с которой автор к нему подходит»;

11) процедура эффективного использования фрейма базируется на его матричной (терминально-слотовой, межслотовой и субслотовой) конфигурации, которая призвана отвечать (соответствовать) решению стоящих перед пользователем задач, что позволяет учитывать существование определенных валентных свойств (валентностей) для конкретного заполнения слотов или терминалов по собственному усмотрению. При этом обе стороны манипулятивных коммуникаций (спин-доктор как инициатор и адресат) могут заполнять и заполняют эти валентности в зависимости от ролевой позиции её участников;

12) порождение, применение и интерпретация тех или иных фреймовых конфигураций обуславливается причинно-следственными факторами: а) *почему* именно этот фрейм, а не какой-либо иной? б) *почему* именно сейчас? в) *для кого* и против кого? г) *когда* была создана фактуальная

основа семантического наполнения слотов конфигурации и *какова* её актуальность сейчас? д) *зачем?*

13) использование фактора нужности предлагаемого фрейма с приёмами процедуры его детализации: *чем больше* значимых мелочей и нюансов (деталей), *тем больше* веры в предлагаемый фрейм;

14) расширение фрейма осуществляется с целью добавления соответствующих валентностей; так, например, фреймовая конфигурация «обвинение» помимо основных слотовых позиций (кто обвиняет, кого обвиняет, в чём обвиняет, фактуальность обвинения или причастность) может добавлять соответствующие валентности фрейма «обвинения» в виде субслотов «страдания жертвы», «собственная невиновность обвиняемого», «тяжелые условия жизни» обвиняемого», «оценка роли жертвы», «особенности поведения жертвы» и т.п., расширяя тем самым функционально-прагматическое, тематическое и семантическое пространства самой базовой конфигурации;

15) планирование и учёт моделей переработки информации адресатом с опорой на выделенные типы *аноэтичного* (или «незнающего»), *ноэтичного* («знающего») и *автоноэтичного* («знающего о себе») сознания образует наряду с потенциальной активацией знаний говорящего субъекта о синтаксической, семантической и прагматической валентностях фундамент для развертывания процессов восприятия, хранения, переработки и интерпретации информационно-тематического пространства фреймовых конфигураций;

16) формирование условий для потенциальных интерпретаций фреймовых конструкций адресатом осуществляется на уровнях *а)* «игры с оценкой» какого-то одного слота в структуре фреймовой конфигурации, *б)* «игры с несколькими слотами» или *в)* «игры с фреймами» (подробнее см.: Романов, 1983; 1984; 1986; 1988; 1991; 1992; 2002; 2002а; 2004; 2005; 2011; 2011а; Романов, Романова Л., 2001; 2001а; 2001б; 2009; Романов, Малышева, Новоселова, 2014; 2014а; Романов, Морозова, Романова, 2015; Романов, Морозова, 2015).

В результате таких «игр» медийные сообщения вербального и невербального плана способны приобретать «предпочтительный (preferred) смысл», именуемый как «спин» – от англ. «spin»: «поворот информации в нужном направлении». Спин-доктор как продуцент такого «поворота в нужном направлении» (т.е. «спин-доктор» как участник медийной коммуникации) предпочитает семиотически кодировать вербальные сообщения с идеологическими целями и, реализуя их, манипулирует языком и медиа-средствами. В этом процессе оказывается весомо значимой роль семиотического фактора, поскольку семиотическая (знаковая) природа подчеркивает силу закодированного сообщения (текста, дискурса, коммуниката, медийного послания), его «интенсивную глубину», по Б. Грассиану, и рассматривает «идеологический смысл», по Ж. Бодрийару, прочно вплетённым в текст (дискурс, коммуникат, медийное послание).

С учетом выделенных прескрипций рассмотрим на конкретных

примерах специфику и возможности использования спин-доктором «предпочтительных смыслов» таких ментальных репрезентаций, как фреймовая конфигурация, обращая при этом внимание на условия функционирования последней прескрипции, согласно которой смысловая интерпретационная «игра» может начинаться:

- а) либо с уровня оценки в положительном (+) или негативном (–) плане какой-то одной (т.е. отдельной) слотовой информации или отдельного слотового содержания),

- б) либо с уровня оценки в положительном (+) или негативном (–) плане информационного пространства нескольких слотов,

- в) либо с уровня оценки в положительном (+) или негативном (–) плане более крупного порядка – фреймовых и межфреймовых (гиперфреймовых) конфигураций (т.е. объединений).

Если начинать с уровня «оценки отдельного слота», который является наименьшей единицей фреймовой конфигурации, то специфика анализа данного уровня определяется тем, что фактуальная действительность может быть описана и интерпретирована средствами языка вариативно: одно и то же событие (предмет, явление окружающего мира, факт) можно назвать словом или словосочетанием, которое, в зависимости от установки говорящего и его «поворота информации в нужном направлении», способно вызывать либо положительную, либо негативную ассоциацию и оценку. Это означает, что при помощи тщательно подобранных языковых единиц можно «технологически» поменять у адресата оценочный «знак восприятия» того или иного факта (события, явления) на противоположный, например, с «плюса» на «минус» (Романов, 1999; 2001; 2002).

Подтверждением этому может служить отрывок из интервью корреспондента АиФ с президентом (на момент интервью) Эстонии А. Рюйтелем:

– ...Всех шокирует, когда *эстонские ветераны СС* выходят на *митинги в гитлеровской форме*, если человек сделает то же в Германии, то попадет в тюрьму. В Эстонии же у него нет проблем.

– Действительно, в Эстонии есть *такие люди*. В определенные исторические дни они *собираются вместе*, и я допускаю, что *кто-то из них иногда надевает свой старый солдатский мундир* (Зотов Г. «Президент Эстонии Арнольд Рюйтель: Разве мы восхваляем нацизм?» // АиФ. – № 12. – 2005. – С. 12).

Журналист задал вопрос о проводимых в Эстонии митингах, в которых принимают участие бывшие эсэсовцы. В своем ответном репликовом шаге президент Эстонии, используя возможности языка, заменяет в слотовом содержании каждую из лексических единиц, которые явно отсылают корреспондента, а вместе с ним и массовую аудиторию читателей к фрейму «*Нацизм – СС – Гитлер*», на слова с нейтральной оценкой:

ветераны СС -----→ *люди*

митинг-----→ *люди, которые собираются вместе*

гитлеровская форма -----→ *старый солдатский мундир*

митинги проводятся регулярно-----→ *кто-то из них, иногда.*

Совершенно очевидно использование манипулятивной техники «переноса», когда говорящий (президент Эстонии) «переносит» аудиторию из тематического пространства с ярко выраженной негативной окраской фрейма «*Фашизм – СС – Преступления против человечества*» в тематическое пространство фрейма с абсолютно нейтральной семантикой: «*Старые солдаты вспоминают свою юность*». В этом «переносе» нейтральное семантическое содержание способно передавать массовому читателю нейтральную оценку или даже вызвать позитивные ассоциации, например, на основе сочувствия к «*людям в старых солдатских мундирах*», которые «*иногда собираются вместе*».

Следующий уровень «игры» с оценкой информационного пространства нескольких слотов характеризуется тем, что на данном уровне (т.е. уровне игры со слотами) манипулятивное воздействие осуществляется спин - доктором в рамках одного фрейма, когда манипуляции подвержено содержательное наполнение всех или большинства слотов, образующих фреймовую конфигурацию и фиксирующих важные смысловые узлы фреймового тематического пространства.

Специфику «игры» на данном уровне удобнее рассмотреть на тематическом пространстве фрейма «*Великая Отечественная война*». В его конфигурационном построении (структуре) можно выделить следующие валентно-обусловленные слоты или смысловые блоки:

- победа,
- борьба с захватчиками,
- советский солдат-освободитель,
- тяготы и лишения,
- миллионы погибших,
- подвиг армии и народа.

Схематично тематическое пространство данного фрейма можно представить таким образом:

В зависимости от прагматической установки говорящего как продуцента в данном фреймовом пространстве может быть актуализирован любой из описанных слотов.

В частности, актуализируя слот «Победа», мы можем заполнить его тематическое пространство следующими содержательными единицами – *Великая победа, Победа советского народа, Народ-победитель, Праздник Победы* и т.д., по предложенной уже выше схеме:

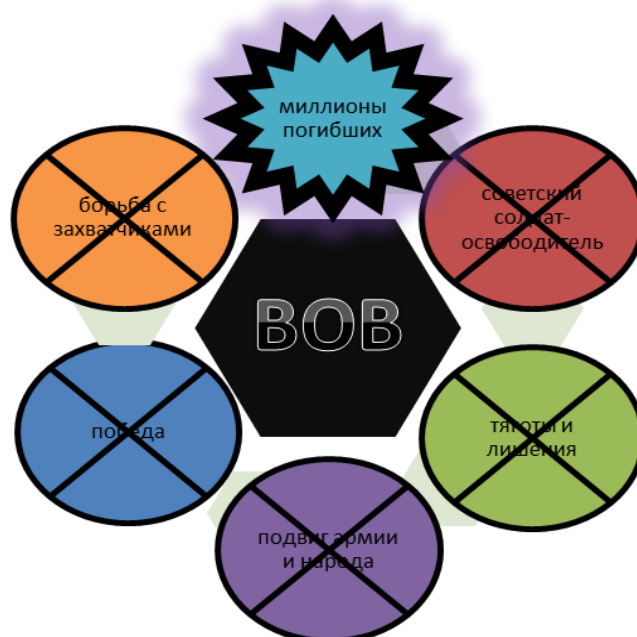

При актуализации нескольких слотов (например, «Победа», «Советский солдат-освободитель», «Подвиг армии и народа»), их тематическое пространство будет заполняться по условиям валентности (см. выше условие 11) следующими содержательными единицами – «Спасибо деду за Победу», «Освобождение Европы советскими войсками», «СССР и

советский народ спасли Европу от уничтожения», «Никто не забыт, ничто не забыто»:

Однако при манипулятивной (спин-докторинговой) актуализации какого-то одного из слотов рассматриваемого фреймового пространства остальные слоты могут отходить на задний план или сознательно вытесняться спин-доктором на периферию тематического пространства. Рассмотрим, например, популярную в последние годы актуализацию в медийном пространстве слота «*Миллионы погибших*», которая может вызывать (каузировать, быть причиной, причинять) в ментальном пространстве адресата следующие негативные смысловые цепочки – «*9 мая – не день Победы, а День скорби*», «*9 мая – пиррова победа*», «*Что можно праздновать при таком количестве жертв?*» и т.п. Ср., схему:

Но если в качестве прагматической установки позитивно рассматривать актуализацию слота «*Подвиг армии и народа*», то тематическое пространство будет заполняться следующими содержательными единицами: «*Подвигу народа жить в веках*», «*Советский народ совершил выдающийся трудовой подвиг*», «*Женщины и дети – труженики тыла*», «*Массовый героизм на фронте и в тылу*», «*Вся страна, преодолевая тяготы и лишения, поднялась на смертный бой*». См., следующую схему:

Третий уровень («игра с фреймами») показателен тем, что на данном уровне актуализация одного фрейма вызывает одновременную актуализацию другого фрейма. Например, при актуализации фрейма «*Великая Отечественная война*» с негативной оценкой в тематическое пространство «*вводятся*» или «*вбрасываются*», втаскиваются один за другим по схеме паровозной сцепки фреймы «*Сталинский режим*», а затем и «*Путинский режим*».

Приведенные технологические (манипулятивные) схемы работы («игры») с содержанием тематических пространств фреймовых конфигураций показывают, что спин-докторинговое манипулирование может активно применяться на всех обозначенных выше уровнях. При этом обнаруживается определенная тенденция, показывающая, что на первом – внутреннем – уровне происходит интерпретирование содержания каждого из слотов со знаком «минус».

Так, например, слот «*ПОБЕДА*» может изменить свое содержательное наполнение следующим образом:

- ЭТО НЕ ПОБЕДА, ибо миллионы погибших - это не победа. Это - пиррова победа. Это - Победа, стоившая слишком дорого. Не победили, а забросали врага трупами;
- ЭТО НЕ НАША ПОБЕДА, потому что Гитлера победили американцы и англичане. Лендли и "второй фронт" сыграли решающую роль в разгроме нацизма;
- ЛУЧШЕ БЫ МЫ ПРОИГРАЛИ, Если бы Гитлер победил, наш народ жил бы сейчас как в Германии: сыто и благополучно.
- ЭТО НЕ ПОБЕДА: Победители той войны живут хуже, чем проигравшие. Сравните пенсии немецких и российских пенсионеров, а также общий уровень жизни в Германии и России.

А слот «*СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ-ОСВОБОДИТЕЛЬ*» может быть уже интерпретирован таким образом:

- НЕ ОСВОБОДИТЕЛЬ, А ОККУПАНТ: Советская армия оккупировала восточно-европейские страны и долгие годы насаждала там коммунистический режим. Советский солдат - жестокий захватчик, на полвека оккупировавший пол-Европы;
- НЕ ОСВОБОДИТЕЛЬ, А НАСИЛЬНИК, МАРОДЕР И УБИЙЦА: На завоеванных территориях советские солдаты грабили и сжигали дома, насиловали и убивали женщин и детей. "Могила неизвестного насильника",

"Убийца, насильник, вор" - надписи на памятниках в Польше и Германии.

В свою очередь варианты негативной интерпретации содержания слота «ПОДВИГ АРМИИ И НАРОДА» могут быть представлены таким образом:

- АРМИЯ НЕ УМЕЛА ВОЕВАТЬ: Военные потери немецких и советских солдат несопоставимы и наши воевали не умением, а числом. Окружение целых дивизий, "кровавый маршал" Жуков и другие военачальники, не жалевшие солдат, сдача крупных городов и областей с огромными потерями, позорное отступление до самой Москвы - вот "героическая" летопись "победоносной" Красной Армии;

- ПОДВИГ ПОД ДУЛОМ АВТОМАТА: Практика разминирования минных полей пехотинцами, использование заградотрядов, уничтожающих отступавших с поля боя, расстрелы перед строем "паникеров и предателей" – советские солдаты, боясь получить пулю в спину, поднимались в безнадежные атаки, порой даже без оружия, которое "нужно было добыть в бою";

- ВЫМЫШЛЕННЫЕ ПОДВИГИ И ГЕРОИ, в частности:

- Александр Матросов - имя вымышленное, подвиг - случаен (был убит и просто упал на дот);

- Николай Гастелло и "огненный таран" пытался совершить другой летчик, а не Гастелло;

- Зоя Космодемьянская - поджигала дома местных жителей, которые и выдали ее немцам;

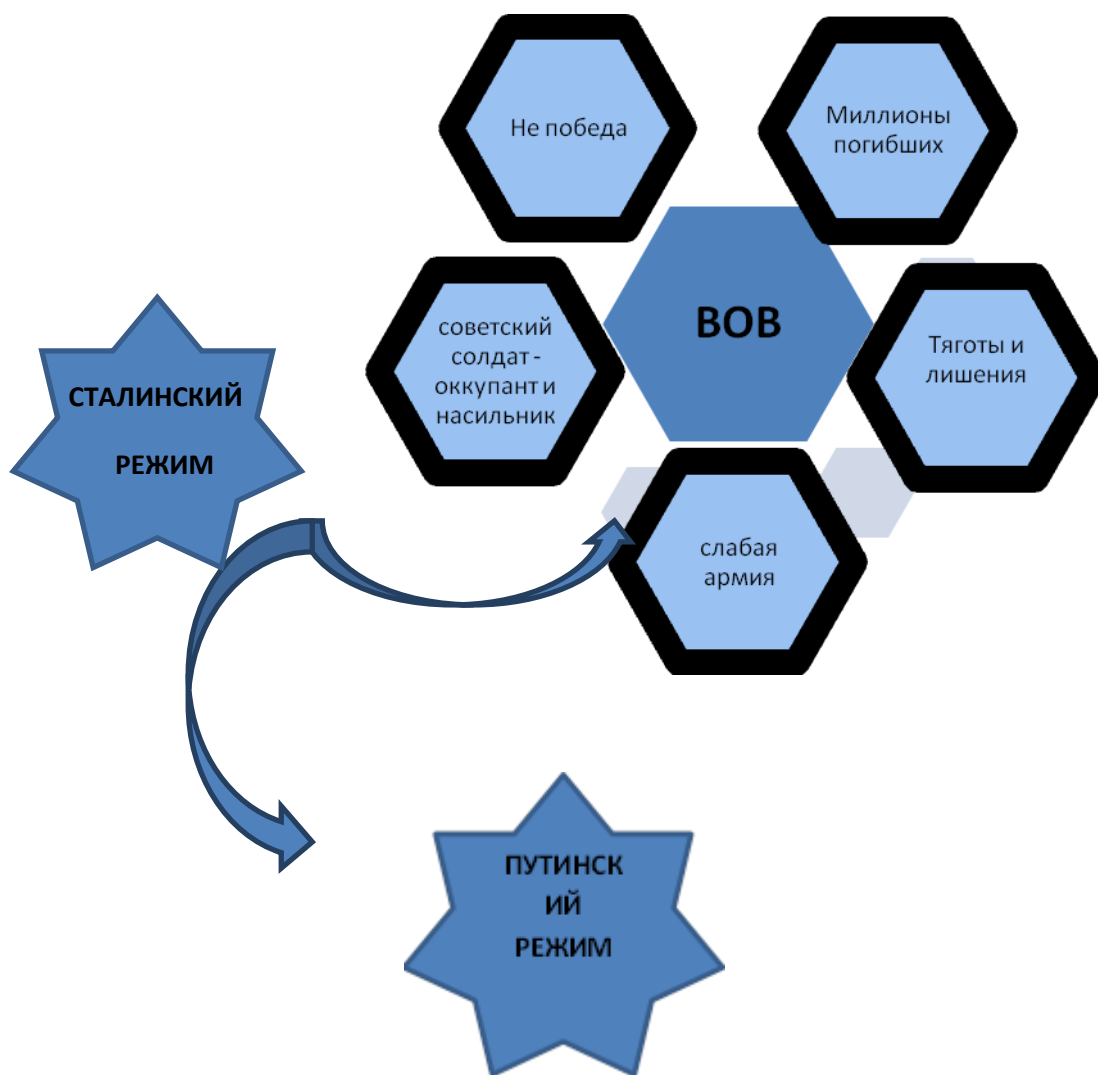
- 28 панфиловцев - вымышленные персонажи, вымышленное число, вымышленное место;

- Маринеску - "атака века" как величайшее преступление, так как на судне "Вильгельм Густлофф" были тысячи беженцев (женщин и детей) и раненных.

- "ПОДВИГИ" ПАРТИЗАН: Партизаны грабили и обирали местное население. Часто за "связь с партизанами" фашисты уничтожали целые деревни. Местные жители боялись партизан не меньше фашистов. Значительного урона фашистам партизаны не нанесли.

На втором уровне актуализируются только некоторые слоты – например, с негативной окраской – «*Миллионы погибших*» и «*Тяготы и лишения*», а также могут вводиться дополнительные слоты с нужной интерпретацией и окраской.

На третьем уровне в тематическое пространство могут вводиться («вбрасываться») смежные фреймы, которые соответствуют манипулятивным целям спин-доктора и дают возможность на основе их валентных свойств расширять (раздвигать и растягивать) негативную информацию и переносить её на другие смежные слоты. Ср.:

Итак, при использовании указанных манипулятивных «игр» с «поворотом информации в нужном направлении» спин-доктор стремится подавать в тематическое пространство медийной сферы заготовленные и наполненные семиотическим материалом готовые схемы интерпретаций в виде фреймовых конфигураций как ментальных конструкций событий, явлений и фактов с учетом работы бессознательно - ассоциативных и мифотворческих механизмов у массового адресата. Особая роль в функционировании таких механизмов принадлежит меметическому основанию (мемезису, меметической регулятивности, меметической основе) использования фреймовых конфигураций (или фреймов в виде ментальных конструкций, позволяющих понимать и интерпретировать действительность), закрепляющему фрейм (фреймовые конфигурации) в сознании адресата, так как повторение способно закреплять подаваемые спин-доктором схемы интерпретации фреймов в ментальном пространстве индивида на уровне языкового сознания или «языковой ментальности» (мозге). Меметическое использование (т.е. активация) на базе внедренных в сознание мифологем связывает поверхностные фреймы с глубинными ментальными репрезентациями и тормозит проявление противоположных фреймов. Тем самым спин-доктору удастся активно поддерживать существующие

глубинные фреймы, лишая тем самым адресата возможности их быстрой смены, замены, переинтерпетации или отрицания, ибо простое отрицание фрейма, не подкрепленное другим фреймом, более воздействующим в эмоциональном плане на ассоциативные и мифотворческие механизмы, только усиливает его (Romanov A., Romanova L., 2012).

Успешность и результативность манипулятивных спин-докторинговых «игр» обуславливается умелым и «грамотным» использованием семантики соответствующих языковых знаков и знанием функциональных свойств системы публичных коммуникаций. Эти знания сводятся, главным образом, к тому, что эффективность манипулятивной деятельности спин-доктора в медийном коммуникативном пространстве предопределяется рамками использования определенной (или типовой) фреймовой конфигурации, которая представляет собой *взаимосвязь* внешней (структурной, конфигурационной) и внутренней (семантической, иллюзорной) сторон (*ипостасей*) ментальной репрезентации событий, фактов, явлений, отношений, в результате чего такая взаимосвязь может обладать возможностью «психического заражения» (термин Р. Броди) и меметически (т.е. регулятивно), попадая в соответствующие типовые условия своего функционирования, порождать в умах других свои копии (Романов, 1988; 2002а).

Эффективность манипулятивно-игровой деятельности спин-доктора определяется также условиями порождения и применения тех или иных фреймовых конфигураций (т.е. Почему именно этот фрейм и почему сейчас? Для Кого и против Кого? Когда было фактуальное событие и какова актуальность этого события в данный момент? Зачем?). Кроме того, спин-доктору как инициатору такого специфического коммуникативного (информационно-враждебного, манипулятивного) взаимодействия с массовым адресатом необходимо постоянно держать его в роли откликающегося, чтобы не выпускать за пределы сформированных «игровых» схем конкретной фреймовой конфигурации. При этом важно иметь в виду, что фрейм как ментальный конструкт с определенными (и даже ограниченными) свойствами имеет сложную когнитивную (можно даже сказать, понятийную) приложимость к определенным лицам, событиям, фактам и явлениям (ср.: большой человек – рост и объем и «высокий человек» как важная персона и человек высокого роста; высокая мебель – это абстрактно, а высокий стул или большой стол конкретны), которая контрастно на ментальном уровне определяет границы его приложимости и функционирования (использования). Вот почему значима роль простых и четких, семантически неразмытых слов в смысловых оценочных «играх», которые способны даже отсылать к моторным ассоциациям, нередко именуемым «работой тела, а не ума». Ср.: «авторучку» или «карандаш» можно знать и помнить даже на ощупь, тактильно, в то время как «письменный прибор» – нет. Ср. также хорошо известные выражения «мочить в сортире» или «Украина ворует газ», «Грузия напала, Грузия – агрессор» и т.п. Такое нарративное описание ситуаций на максимально

понятном и обыденном («беспрекословном») языке достигается при помощи перевода таких ситуаций на язык улицы, на язык простого человека.

Литература

1. Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. Феномен сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.
2. Бодрийар Ж. Фантом современности. Тени молчаливого большинства, или конец социального // Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 180 – 280.
3. Броди Р. Психические вирусы. Методическое пособие для слушателей курса. – М.: Центр Психологич. культуры, 2001. – 192 с.
4. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000, № 3. – С. 29 – 43.
5. Гурушкин П. «Spin-doctoring» и «пропаганда» в связях с общественностью: общее и особенное // Актуальные вопросы подготовки специалистов в сфере связей с общественностью и рекламы [Электронный ресурс]: материалы Междунар. науч. - практ. конф., 25 апреля 2014 г., Минск / ред. кол.: С.В. Дубовик (отв. ред.). – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 47-49. – Режим доступа: <http://www.elib.bsu.by>, ограниченный. ISBN 978-985-553-191-4.
6. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. – СПб.: «Алетейя», 1999. – 207 с.
7. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 101 с.
8. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 184 с.
9. Морозова О.Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 220 с.
10. Морозова О.Н., Романова Л.А., Мосина Е.А. Манипулятивная природа информационных войн в Интернет-пространстве // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Международн. научн. семинар. Ч. I. Сб. науч. работ. – Белгород: БелГУ, 2014. – С. 158–164.
11. Петров В.В. Джерри Фодор: Когнитивное измерение мышления // Концептуализация и смысл. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 227 – 232.
12. Почепцов Г.Г. Психологические войны.– М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 523 с.
13. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. – 352 с.
14. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001а. – 656 с.
15. Романов А.А. Фреймовая семантика в аспекте автоматической обработки текстов // Международный семинар по машинному переводу. Тез. докл. – М.: Всесоюзный Центр Переводов, 1983. – С. 188 – 190.

16. Романов А.А. О формальном представлении смысловой организации текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович, Ю.В. Ванников. – М.: ИЯ АН СССР, 1984. – С. 102 – 111.

17. Романов А.А. Уровни функционально-семантического анализа текста // Текст. Контекст. Подтекст. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович, Ю.В. Ванников. - М.: ИЯ АН СССР, 1986.– С. 10 – 17.

18. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

19. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. Сб. научн. трудов. Отв. ред. проф. А.А. Романов, проф. А.М. Шахнарович. – М.: ИЯ АН СССР, 1991. – С. 82 – 100.

20. Романов А.А. Конфликтный дискурс политика // Политический дискурс в России – 3» Материалы рабочего совещания 27-28 марта 1999. Ч.1. / Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. – М.: ИЯ РАН, Диалог-МГУ, 1999. – С.123 –126.

21. Романов А.А. Оценка как способ фиксации и интерпретации конфликтных форм речевого общения (на материале речевой дискурсии политика) // Текст versus Дискурс: Проблемы понимания и интерпретации. Сб. научн. трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М. – Тверь: ИЯ РАН, ТИЭМ, 2001. – С. 96 – 106.

22. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. – М.– Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. – 191 с.

23. Романов А.А. Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // ARS LINGUISTICA. К 75-летию профессора И.П. Сусова. Межвуз. сб. научн. трудов. Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М. – Тверь: ИЯ РАН, 2002а. – С. 23 – 30.

24. Романов А.А. Суггестивная модель речевого общения: Манипуляция или игра со смыслами? // Nomotendax / Человек лживый. Межвуз. сб. научн. трудов. Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М.– Тверь: ИЯ РАН, 2004. – С. 3–26.

25. Романов А.А. Политическая лингвистика в пространстве политической дискурсии // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету. Збірник наукових праць. Вип.5. Т.1. Серія «Філологічні науки». – Луганськ: «Альма - матер», 2004а. – С. 192 – 213.

26. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 153 с.

27. Романов А.А. Языковая личность в коммуникативном пространстве дискурса [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2010, № 4 (21). – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

28. Романов А.А. Мемезис перформативного знания о

функционировании естественно-языковых практик // «Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2011, № 2 (23). – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

29. Романов А.А. Стратегическая разновидность мелодийного воздействия в психотерапевтической коммуникации // Вестник Тверского государственного ун-та. Сер. «Психология и педагогика». – 2014, № 3. – С. 29 – 52.

30. Романов А.А., Воеводкин Н.Ю., Романова Л.А. Дискурс как иерархия целевых программ изменения суггестором личностных установок реципиентов (Опыт психотерапевтической коммуникации) // Динамический дискурс в познавательном и педагогическом процессах. – Липецк: ЛГПИ, 1999. – С. 39 – 49.

31. Романов А.А., Егоршина Н.В., Романова Е.Г. Нарративная дискурсия как способ описания политической деятельности // Политический дискурс в России – 5. Мат. постоянно действующего семинара. 22 апреля 2001 г. – М.: ИЯ РАН, Российский новый ун-т, 2001. – С. 38 – 41.

32. Романов А.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В. Матричная технология в манипулятивной интернет-коммуникации // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.- практ. конф. Сб. науч. работ. – Белгород: Константа, 2014. – С. 126 – 131.

33. Романов А.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В. Спин-докторинговая реализация «принципа каузальной последовательности» ментальных репрезентаций в структуре фреймовой конфигурации // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Международный научный семинар. Ч. I. Сб. науч. работ. – Белгород: БелГУ, 2014а. – С. 158–164.

34. Романов А.А., Морозова О.Н. Схемы спин-докторингового конструирования оценочных смыслов в современной медиакультуре // Медиалингвистика. Вып 4. Профессиональная речевая коммуникация и массмедиа: сб. статей. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т; ин-т «Высшая шк. журн. и масс. комм.уникаций», 2015. – С. 243 – 247.

35. Романов А.А., Морозова О.Н., Романова Л.А. Нарративный метод спин - докторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике: сб. научн. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – С. 251 – 258.

36. Романов А.А., Морозова О.Н., Романова Л.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В. Терминологический глоссарий по практической риторике и искусству ведения дебатов. Под ред. проф. А.А. Романова. – Тверь: Тверская ГСХА, 2014. – 181 с.

37. Романов А.А., Морозова О.Н., Носкова С.Э. Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык. – Тверь: Агросфера, 2007. – 222 с.

38. Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю. Имя собственное в политике: Язык власти и власть языка. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2000. – 112 с.

39. Романов А.А., Романова Л.А. Резонансная информация в актах политической коммуникации // Проблемы имиджологии. Мат. 2-й междунар. конф. «Проблемы имиджологии-2», г. Кривой Рог, Украина. – Киев: Изд-во Европейского ун-та финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса, 2001. – С. 143 – 148.

40. Романов А.А., Романова Л.А. Специфика воздействия резонансной информации в актах политической коммуникации // Политический дискурс в России – 5. Мат. постоянно действующего семинара. 22 апреля 2001 г. – М.: ИЯ РАН, Российский новый ун-т, 2001а. – С. 72 – 74.

41. Романов А.А., Романова Л.А. Резонансная информация в политической коммуникации // Филология и культура. Мат. Третьей междунар. научн. конф. 16 –18 мая 2001 г./ Отв. Ред. Н.Н. Болдырев. В 3-х ч. Часть 3. – Тамбов: Изд-во Тамбовск. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, ИЯ РАН, 2001б. – С. 144 – 147.

42. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативны ли политические обещания? // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – С. 273 – 281.

43. Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелолойный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. – М.: ИЯ РАН, 2014. – 163 с.

44. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика. Учебник. – М.: Лилия, 2001. – 216 с.

45. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Герс, 1998. – 205 с.

46. Романов А.А., Царьков П.Б. Функциональная специфика закономерностей политической коммуникации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Психологические науки «Акмеология образования». – 2007. – Том. 13, № 3. – С. 34–39.

47. Сиротина В.В. Субъективность современных журналистских текстов как явление, порожденное литературными текстами контркультур // Медийные стратегии современного мира. Материалы пятой междунар. научно – практич. конф. – Краснодар: КубГУ, 2011. – С. 239 – 241.

48. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. Пер. с англ. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.

49. Федорченко С.Н. «PR-технология спин-докторинга» // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета», 2011. – Режим доступа: <http://>

50. Феофанов О.А. Агрессия лжи. – М.: Политиздат, 1987. – 319 с.

51. Шаров К.С. На тёмной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. – 2010, № 3. С. 30 – 43.

52. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

53. Choukas M. Propaganda Comes of Age. – Washington: Univ. Press, 1965. – 268 p.

54. Defren Todd. The difference between flacks & spin doctors. URL //–

Режим доступа: – <http://www.pr.-squared.com>.

55. Fiske J. Television and Postmodernism // Curran J., Gurevitch M. (eds.) Mass Media and Society.– L.: Edward Arnold, 1991. – PP. 55 – 67.

56. Partington A. Rhetoric, bluster and on-line gaffes: The tough life of a spin-doctor // Aitchison J., D.M. Lewis (eds.) New Media Language. – London: Routledge, 2003. – P. 116–125.

57. Roberts James R. The difference between spin and propaganda. URL //–
Режим доступа: <http://thehum-stain.blogspot.ru>

58. Romanov A.A., Romanova L.A. Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European tducation. Conference Proceedings. – Oradea: EdituraI universităţii Emmanuel din Oradea (Romania), 2012. – P. 322 – 325.

59. Romanov A.A., Romanova L.A. Composite performatives as types of social semiosis'scryptoclass // Collection: Modern Approaches to Linguistics, Literature and Cultural Studies. – vol. 2. – Sandy, Utah (USA); Centre for Research, Resources and European Studies: Eco Academic Pablising House, 2012a. – P. 207 – 214.

(1,9 п.л.)